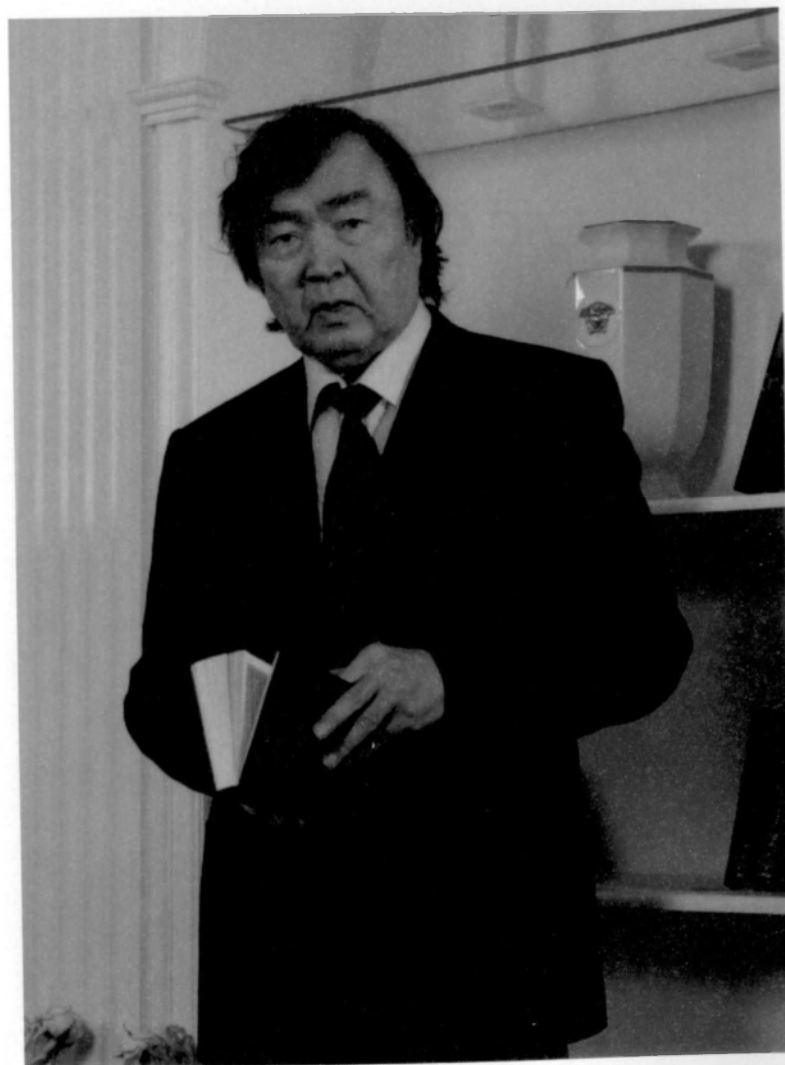

*Книга рекомендована к изданию
решением Ученого совета КазНУ
имени аль-Фараби*

Главный редактор: Г.М. Мутанов
Заместитель: З.А. Мансуров
Отв. секретарь: С.Ш. Мадиев

Рабочая группа редакции:

В.Г. Сальников
С.А. Кусаинов
Р.А. Турсунбаев
А.Ж. Жаксылыков
Э.Т. Какильбаева
Е.И. Дудинова

Редактор: Н. Копабаева
Тех. редактор: К. Умирбекова
Корректор: А. Шора
Верстка: Н. Копабаева

Адрес редакции:
г. Алматы, пр-т аль-Фараби 71,
тел: 377-33-32 (11-74)
издательство «Қазақ университеті»

Республиканский общественный
Совет редакции по изданию
серийных книг «Өнегелі өмір»:

Председатель совета: Б.Т. Жумагулов

Абдигамил Нурпеисов
Абильфаиз Идрисов
Абиш Кекильбаев
Болат Кумеков
Кенжегали Сагадиев
Куаныш Султанов
Маулен Ашимбаев
Меирхан Абдильдин
Мухтар Кул-Мухаммед
Мырзатай Жолдасбеков
Нурлан Оразалин
Олжас Сулейменов
Сагымбай Козыбаев
Салык Зиманов
Сауытбек Абдрахманов
Сеит Каскабасов
Султан Сартаев
Турсынбек Какишев
Уахит Шалекенов

Выпуск 4

ББК 63.3(2Каз)
О 32

О 32 Олжас Сулейменов / под ред. Г.М. Мутанова. - Алматы:
Казак университеті, 2011. - 340 с.+ 1,6 п.л. вкл.
ISBN 9965-29-663-4

В данной книге, приуроченной 75-летию выдающегося поэта, тюрколога, лингвиста, общественного деятеля О. Сулейменова, собраны научные и публицистические статьи, материалы по МАД «Невада-Семей», а также фотоматериалы разных лет.

Книга предназначена для широкого круга читателей, преподавателей, студентов и всех, кто занимается исследованием творчества поэта.

ББК 63.3(2Каз)

ISBN 9965-29-663-4

© КазНУ имени аль-Фараби, 2011.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Духовное величие народа всегда напрямую связано с его выдающимися представителями, своей жизнью и творчеством, внесшими неоценимый вклад во все сферы человеческого знания и бытия. Во все времена для подрастающего поколения необходимо знание о тех людях, которые могут явиться примером служения общечеловеческим идеалам, беззаветной преданности избранному ремеслу ученого, поэта, политика или государственного деятеля, в целом олицетворяющих собой высокое звание: «Человек – Гражданин – Патриот». С этой целью Казахский национальный университет им. аль-Фараби предпринял издание серии книг «Онегелі өмір» («Жизнь замечательных людей»). В рамках этой серии выходит книга о выдающемся поэте и мыслителе современности, общественном деятеле, дипломате Олжасе Омархановиче Сулейменове. Данное издание приурочено к его 75-летию.

О. Сулейменов – выдающийся поэт, тюрколог, лингвист, общественный деятель, чье творчество хорошо известно во многих странах мира – знаковое явление нашей эпохи. Не буду останавливаться на этапах его биографии, они хорошо всем известны. Гораздо более значимым является вопрос, почему эта фигура стала символической, выражающей не только вехи нашей истории в двадцатом и начале двадцать первого века, но и становление национального самосознания казахского народа, да и многих тюркских народов? Этот вопрос требует обстоятельного ответа.

Состоялся полет Ю. Гагарина в космос. Этому событию, знаменующему собой новую эру в развитии цивилизации, научно-технических достижений человеческого гения, О. Сулейменов посвятил поэму «Земля, поклонись человеку!». Вместе с первым космонавтом Ю. Гагариным поэт О. Сулейменов взлетает на вершину славы и творческого успеха. С тех пор его имя всегда на слуху, а его образ стал трансформироваться в символ.

Затем в ряде сборников семидесятых годов в литературу врывается тюркская, кипчакская тема. О. Сулейменов ставит перед собой масштабную задачу – реабилитировать славное имя тюрков как создателей культуры в истории, опрокинуть ложную и фальсифицированную легенду о них, как о варварах, жестоких воинах,

Э.Т. КАКИЛЬБАЕВА,
кандидат филологических наук,
доцент КазНУ им.аль-Фараби

РУСЬ И СТЕПЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ О. СУЛЕЙМЕНОВА

Олжас Сулейменов, известный казахский поэт-билингв, автор нашумевшей в середине семидесятых годов книги «Аз и Я» об известном памятнике древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», выразил свою гражданскую позицию следующими словами: «Не осознавая прошлое, заблудимся в настоящем, как Иваны и Ахметы, не помнящие родства друг с другом...» [1], подчеркнув тем самым актуальность темы взаимоотношений Руси и Половецкой степи. В советской, затем и в российской науке вплоть до последнего времени преобладало мнение о постоянном противоборстве этих двух миров с разными морально-этическими установками, социально-экономическим строем, с разной политической системой. Казахский поэт Олжас Сулейменов отстаивает идею о том, что Русь и Степь на протяжении долгого времени имели друг с другом неконфликтные, невраждебные, напротив – достаточно лояльные отношения.

Поэт, вошедший в советскую литературу как один из ярких представителей плеяды шестидесятников вместе с Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Беллой Ахмадуллиной, пишущий свои стихи на русском языке, в 1960-ых годах по заданию профессора Литинститута В. М. Сидельникова занялся поисками тюркизмов в «Слове о полку Игореве» [2] и в силу природной двуязычности увидел в «Слове...» то, что было недоступно монопольным писателям, изучил массу русских летописей, тюркских, скандинавских и монгольских письменных источников. И в про-

тивовес общепринятому мнению о незначительном влиянии тюркоязычных народов на Русь, Олжас Сулейменов во главу угла поставил идею о том, что длительное сосуществование тюрков с русичами не могло не наложить существенный отпечаток как на Русь, так и на её восточных соседей, а процесс взаимообогащения был обоюдным. В качестве доказательств он приводит сведения о многочисленных династических браках русских князей с дочерьми степных владык и другие доказательства. По его мнению, в «Слове о полку Игореве» наблюдается настоящее смешение культур, народов. По словам поэта, он лишь «пытался найти следы этих богатейших взаимодействий...» [2]. Он утверждает, что «контакты Руси и Поля нельзя сводить только к крови, пролитой во вражде. Кровью и роднились» [2].

А.С. Пушкин в статье «О ничтожестве литературы русской» писал: «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» [3, 307], то есть великий русский поэт с присущей ему гениальной прозорливостью отмечает нетипичность и внесистемность этого произведения. Об этом писали сами русские историки и литературоведы. Д.С.Лихачев, непрекаемый авторитет в области медиевистики, отмечал: «В русской литературе XI-XVI вв. не было поэзии, лирики как обособленных жанров» [4, 7]. Далее он же замечал: «Давно обращала на себя внимание жанровая одинокость «Слова» среди памятников древнерусской литературы. Ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанру «Слова». Если «Слово» – светское ораторское произведение XII в., то других светских ораторских произведений XII в. пока еще не обнаружено. Если «Слово» – былина XII в., то и былины от этого времени до нас не дошло. Если это воинская повесть, то такого рода воинских повестей мы также не имеем» [4, 11]. О.Сулейменов

ссылается на мнение украинского исследователя начала XX века Н.И. Маньковского «Слово о полку Игореве» – лирическая поэма внука Боянова» (Житомир, 1915 г.), который устанавливает родство автора «Слова о полку Игореве» с Бояном. Один из казахских исследователей вспоминает также, что в начале 90-х гг. в одной телепередаче было короткое сообщение о том, что в архивах КГБ СССР обнаружены факты и свидетельства, удостоверяющие личность автора «Слова о полку Игореве». Согласно этой сенсации, которая больше никогда не повторялась, это произведение создано половцем по имени Боян, который писал это произведение, будучи или в плену, или в аманатах у русских князей. Был показан его портрет типичного тюрка: бритоголовый, со свисающими усами, с узким разрезом глаз.

Эта гипотеза дала возможность новых интерпретаций образа мифического певца Бояна. Исследователи русской литературы называют его «русским певцом XI века» и тщательно избегают вопроса об его этническом происхождении. Но уже его имя является доказательством его близости либо принадлежности к тюркам, а в антропонимике русского языка оно отсутствует. Слово Баян, кроме антропонимической принадлежности к тюркскому именослову, имеет и семантическое значение. В казахском языке оно означает следующее: 1. Баян – постоянный, верный, баянсыз – изменчивый, неверный. 2. Баяндау – повествовать, рассказывать, излагать, докладывать. Отсюда существительные: баяндама – рассказ, повесть, доклад, баяндаушы – повествующий, баяндамашы – рассказчик, докладчик, повествователь, сказитель [5, 963]. Как видно, второй смысл с участием слова баян непосредственно совпадает с именем сказителя и певца XI в.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Боян – единственный представитель в «пустыне русской словесности», у него нет ни предшественников, ни последо-

вателей. Можно предположить и подобрать доказательства из иных этнических пластов музыкально-поэтической культуры, в данном случае тюркской культуры. Боян не только по имени, но и по крови, по духу, по творениям, – всецело – был тюрком. И в самом тексте можно встретить упоминание о степном происхождении Бояна: «Боянь бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълком по земли, шизымъ орломъ подъ облакы...» [6, 19].

Кроме того, сейчас достоверно установлено, что Боян был типичным степным бардом, свободным акыном, жыршы, он не был привязан ко двору какого-либо удельного князя, не был придворным певцом, не одному князю, а «княземъ славу рокотаху»: воспевал мудрость старого Ярослава, храбрость Мстислава, красоту Романа. Олжас Сулейменов при помощи тщательного текстологического анализа доказывает, что, если бы Боян был только русским певцом, то, как подданный князя, не имел бы элементарных прав воспевать доблести, славу, честь его противников. Но в казахской рыцарской поэзии акыны-жыршы Казтуган, Доспамбет, Актамберды, Шалкииз, Бухар-жырау и наследовавший их традиции Махамбет, как и волхвы, «не боялись могучих владык», говорили то, что велит сердце и долг перед народом.

Это сходство позволяет нам говорить об общих типологических связях древнерусской литературы с тюркской (казахской) и на примере «Слова о полку Игореве» проследить случаи взаимовлияния русской литературы и казахской, первый образец этого влияния показан нами на вышеприведенном примере сходства позиций Бояна и казахских жыршы XV-XIX веков. Поэтому, с нашей точки зрения, можно с некоторыми оговорками принять сулейменовскую точку зрения о степных корнях Бояна и автора «Слова о полку Игореве».

Авторская позиция в рассматриваемом нами тексте выражена четко: «Начати же ся песни по былинамъ сего времени, а не замышлению Бояню!» [6, 9]. Он достаточно самостоятелен в выборе темы, целей, способов и форм их достижения. Чувствуется его эрудиция, начитанность, богатый запас не только впечатлений, но и знаний всего происходящего. Автор знал диалекты тюркского (и среднеазиатское «оканье», и кипчакское «аканье»), великолепно владел поэтикой этого языка, осведомлен о ее жанрах, видах и формах и успешно использует их в поэтике своего произведения.

Олжас Сулейменов с помощью аналитического метода доказывает близость жанра древнерусского текста к произведениям тюркской словесности. По мнению, автор жанровой основой «Слова...» избирает тюркский (казахский) жанр жыр (Шокан Валиханов называл его рапсодией), в древнерусской литературе этот жанр трансформирован в воинскую поэтическую повесть. Также близки по семантике жанр плача, используемый автором древнерусского текста, и жанр казахской поэзии джилау (жыла, жылау – плакать, плач): «... и Жля поскочи по Руской земли...», «Жены руская въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою думати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!». Как видим, и рифма, и плач, и само название жанра, соответствующее ему, доказывает применение автором литературной формы, практикуемой в казахской степи и поныне.

Еще один яркий пример близости «Слова о полку Игореве» к тюркским - «злато слово» Святослава, где он обращается к другим князьям с призывами, укорами, напоминаниями, применяя такие средства агитации, как личное обращение, убеждение, критика, восхваление, лозунги. В тюркской литературе этот жанр известен благодаря орхоно-енисейским руническим письменам. Орхоно-енисейские надписи как

обращение каганов к народу можно рассматривать как жанр светского ораторского искусства. Л.Н.Гумилев называет их «обращением к широким слоям тюркского общества: «Причем цель этих обращений ничем не замаскирована, народ хотят убедить. Значит, надписи – агитация, и исторический материал приводится в них выборочно... При проверке оказывается, что события изложены довольно верно, но неполно. Это и понятно, т.к. в агитационном документе беспристрастие не только не уместно, но и противопоказано. Само наличие такого жанра убеждает в том, что сила слова у тюрок считалась реальной силой. Следовательно, общество было развито и общественное мнение уже существовало» [7, 331].

В тюркской, позже и в казахской поэзии агитация в виде Слова было действенным средством убеждения, оно передавалось из уст в уста, хранилось в памяти потомков. Примером такого использования Слова можно считать пламенные стихи Махамбета, которые содержат массу агитационных обращений, призывов, убеждений, повлекших в свое время за собой народ. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что автор древнерусского текста сознательно использовал степной опыт агитации.

В исследовательской литературе о «Слове...» обстоятельно решены проблемы жанровой специфики этого произведения. Одним из жанровых компонентов этого текста называют диалог, придающий повествованию особый полифонизм. Д.С. Лихачев в данном вопросе солидарен с Олжасом Сулейменовым и считает, что «Слово о полку Игореве» по замыслу автора – песнь-диалог для двух певцов: поклонника «старых словес» Бояна и представителя «прозаиков». Олжас Сулейменов идет дальше своего оппонента и доказывает близость «Слова...» к одному из самых популярных жанров тюркской поэзии – синкретичному жанру айтыса.

СОДЕРЖАНИЕ

Уважаемый читатель!	5
Н. Назарбаев. Слово о моем друге Олжасе	
Биография О.О. Сулейменова	7
Поэт и эпоха	
Страницы истории	18
Р. Турсунбаев. Ядерная эпоха планеты	30
Л.Н. Прус. Эстафету мира – молодым	43
<i>О новой инициативе «Невада-Семипалатинск»</i>	48
<i>Нет Востока, и Запада нет. Есть одно большое слово – Земля</i>	52
<i>Эхо через 20 лет</i>	62
<i>Он был готов к Президентской работе</i>	72
<i>Дороги мира</i>	80
<i>Эпистолярный диалог</i>	92
М. Жолдасбеков. Слово об Олжасе	104
Б. Капаньянов. Быть далеко услышанным	125
С. Куттыкадам. Феномен Олжаса, или Вихрь духа	138
Исследования о творчестве О. Сулейменова	
С. Абдулло. Поэт и гражданин	150
К. Ахмедьяров. Особенности мировоззрения Олжаса Сулейменова	163
Н. Джуанышпеков. Языковая личность Олжаса Сулейменова в парадигме поэтического стиля	181
Е. Дудинова. Интеллектуальный космос публицистики: начало эпохи Олжаса Сулейменова	190
Ж. Молдабеков. Пересекающие истоки и интересы в контексте языковой культуры	216
А.Ж. Жаксылыков. Олжас Сулейменов - тюрколог	227

К. Жанабаев. <i>О. Сулейменов: «Тюрки в доистории...».</i>	
<i>Узловые вопросы национальной культуры</i>	232
К. Бузаубагарова. <i>Стихотворный стиль</i>	
<i>Олжаса Сулейменова</i>	236
М.К. Бисенкулов. <i>Национальный колорит в поэзии</i>	
<i>О. Сулейменова</i>	284
А. Тусупова. <i>Художественное пространство в поэзии</i>	303
Э.Т. Какильбаева. <i>Русь и степь в интерпретации</i>	
<i>О. Сулейменова</i>	320
Н. Джуанышпеков. <i>Мениппейность «Глиняной книги»</i>	
<i>О. Сулейменова</i>	327
С. Кусаинов. <i>Незабываемый свет студенческих лет</i>	334